

Д. В. [Автор не установлен.] [Рец. на:] Полное собрание проповеднических трудов Макария [Невского], митрополита Московского за время его служения в архиерейском сане (1884—1913). Сергиев Посад, 1914 // Богословский вестник 1914. Т. 1. № 3. С. 592—595 (3-я пагин.).

КРИТИКА.

I

Полное собраніе проповѣдническихъ трудовъ (словъ, бесѣдъ, поученій, посланій, воззваній и наставленій) МАКАРІЯ, митрополита Московскаго и Коломенскаго, за время его служенія въ архиерейскомъ санѣ (1884 — 1913). Съ портретомъ автора. Сергіевъ Посадъ 1914. Ц. 2 р. 50 к. 1135 стр.

Если подъ „живымъ словомъ“ разумѣть изустное слово, то проповѣди, слова и пастырско-проповѣдническія наставленія высокопреосвященнѣйшаго Макарія и являются именно прежде всего такимъ *живымъ словомъ*. Извѣстность высокопреосвященнѣйшаго Макарія, какъ алтайскаго проповѣдника христіанства, дала возможность еще при жизни его писать исторію его миссіонерскаго дѣланія на дикомъ Алтаѣ—и потому, конечно, что это—ясная и опредѣленная дѣятельность, которой отдана была вся энергія богато одареннаго духовными дарованіями *проповѣдника—практика*.

Сталкиваясь на пути своего просвѣтительно—миссіонерскаго дѣланія съ самыми неожиданными обстоятельствами, митрополитъ Макарій, сначала миссіонеръ—проповѣдникъ, потомъ святитель церкви Русской, долженъ былъ постоянно возгрѣвать свою душу, чтобы дать благовременный отвѣтъ на запросы жизни. Колеблющійся и испытующій совопросникъ не можетъ долго ждать. Поэтому хорошій миссіонеръ, каковымъ былъ высокопреосвященный Макарій, имѣетъ всегда готовыя изустныя назиданія. И въ этомъ смыслѣ большинство проповѣдей его являются „*живыми словами*“.

Но колеблющейся и испытующей совопросникъ болѣе требователенъ, чѣмъ убѣжденный христіанинъ. Онъ хочетъ видѣть въ своемъ собесѣдникѣ отзывчиваго человѣка, понимающаго его душу, прислушающагося къ его, подчасъ, наивнымъ вопросамъ. „Живое слово“, должно быть, поэтому, и „живымъ откликомъ“ на запросы отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ. И въ этомъ смыслѣ проповѣди высокопреосвященнѣйшаго Макарія всегда были подлиннымъ *живымъ словомъ*.

Наконецъ, живое слово церковнаго проповѣдника должно быть, по нашему разумѣнію, выраженіемъ *живого церковнаго сознанія*. Митрополитъ Макарій всегда помнитъ, при всякомъ назиданіи, что онъ *вышелъ отъ Церкви*, говоритъ какъ *представитель Церкви* и *ведетъ къ Церкви*. Въ этомъ отношеніи многія изъ его проповѣдей дышатъ необыкновенно религиозно-евангельскимъ созерцаніемъ. Предъ его сознаніемъ какъ бы постоянно предстоятъ библейскіе и четьи-минейные образы духовныхъ богатырей и лучшихъ выразителей христіанскаго чувства и настроенія, начиная отъ первыхъ вѣковъ христіанства до нашихъ дней. И чувствуется, что всѣ эти образы не просто привнесены въ его наставленія отънѣ, но съ любовью пронесены чрезъ его христіанское сознаніе, отчего они и отличаются тѣмъ, что называется въ старыхъ гомилетикахъ „*помазанностью*“.

Мы даемъ общую характеристику назиданій высокопреосвященнаго Макарія.

Если бы нужна была частная характеристика ихъ, то пришлось бы останавливаться почти на каждомъ изъ нихъ. Едва ли можно указать другую болѣе многогранную сущность, чѣмъ душа человѣка: чуткая душа можетъ отзываться на каждый отдѣльный моментъ; она можетъ освѣщать своимъ внутреннимъ свѣтомъ едва замѣтныя колебанія въ настроеніи отдѣльныхъ людей и цѣлаго общества. Въ проповѣдяхъ митрополита Макарія именно и видна такая душа, включившая въ сокровищницу своего духовнаго разумѣнія высшее вѣдѣніе.

Высокопреосвященный издатель, выпустившій кромѣ общаго изданія проповѣдей, о которыхъ мы говоримъ, еще отдѣльную серію листовъ подъ общимъ заглавіемъ „Единое на потребу“, хорошо опредѣлилъ конечную цѣль своихъ изданій. Отправляясь отъ фактовъ настоящаго, онъ во всемъ

указываетъ „единое на потребу“. При общей калейдоскопической смѣнѣ явленій нравственнаго и внѣшняго міропорядка Источникомъ, нормирующимъ духовную жизнь и опредѣляющимъ непреходящія цѣнности, является у него всюду Превысшій всѣхъ—Богочеловѣкъ, безконечно возвышающійся „надъ всѣми великими людьми“. Проповѣдникъ нерѣдко убѣждаетъ также слушателей въ томъ, что на Крестѣ сочетались „любовь Божія, правда, мудрость и сила“ и зоветъ къ преклоненію предъ Крестомъ Христовымъ, какъ предъ выразительнымъ символомъ. Это—благовременный призывъ въ наши дни поруганія креста Христова.

Богатія духовными личными переживаніями, проповѣди митрополита Макарія отличаются выразительными сравненіями. Такъ, на примѣръ, въ одномъ поученіи жизнь человека онъ сравниваетъ съ клубкомъ, на который навивается нить съ одного конца и развивается съ другого. „Обычно то, что по порядку времени навилось послѣ всего, будетъ развиваться прежде всего. Въ такомъ же порядкѣ будетъ развиваться и нить нашей жизни. Въ порядкѣ постепенности будутъ открываться всѣ наши мысли, слова и дѣла. Можно предполагать, что если таковое разматыванье клубка нашей жизни будетъ происходить въ естественномъ порядкѣ, то оно начнется съ тѣхъ мыслей словъ и дѣлъ, какими занята была душа наша въ послѣдніе дни жизни. За тѣмъ начнетъ открываться послѣдующая жизнь въ обратномъ порядкѣ—отъ старости къ зрѣлому возрасту, отъ юности къ дѣтству. Такое предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ сказаніяхъ людей, которые нѣкоторое время находились въ состояніи умиранія и потомъ опять возвращались къ жизни“... Такихъ пояснительныхъ сравненій не мало въ проповѣдяхъ митрополита Макарія.

Обращаясь, въ частности, къ русской жизни, проповѣдникъ зрѣть „святую и грѣшную Русь“, а въ ней „бдящихъ, дремлющихъ и спящихъ“, людей „знающихъ“ и „воспитанныхъ“, „вѣрующихъ невѣровъ“, только хвляющихся своимъ невѣріемъ, но безсильныхъ отрицать значеніе вѣры... И онъ будитъ „дремлющихъ и спящихъ“, напоминаетъ о единомъ на потребу вѣрующимъ и невѣрамъ, зоветъ не только къ пріобрѣтенію знанія, но и къ воспитанію внутренняго человека. Онъ присматривается и къ теченію западной жизни, поскольку

она вліяеть и на настроєніе русскаго общества, и всюду заставляеть искать въ чловѣкѣ „чловѣка“ съ его Богоподобной душой.

Такимъ „живымъ“ назиданіямъ можно пожелать только широкаго распространенія.

Д. В.

II.

Новости западной Догматики

На нѣмецкомъ языкѣ имѣется журналъ, съ исключительной задачей—резюмировать творчество нѣмецкихъ теологовъ за каждый истекшій годъ. Журналъ этотъ: Die Theologie der Gegenwart. Издается онъ восьмой уже годъ подъ редакціей профессоровъ различныхъ университетовъ, въ видѣ тетрадъ, посвящаемыхъ обзору литературы той или другой изъ теологическихъ дисциплинъ за цѣлый годъ¹⁾. Въ настоящее время предо мной находится первая Heft (тетрадь) журнала за текущій годъ, всѣ 58 страницъ которой посвящены „систематической теологіи“, включающей въ себя исторію религіи, догматику и этику. Подѣлиться сообщаемыми здѣсь новостями научно-догматическаго содержанія, съ читателями Богословскаго Вѣстника, я полагаю, было бы не бесполезно особенно съ тѣми изъ нихъ, кому, какъ и автору настоящей статьи, приходится имѣть дѣло съ догматикой.

Оживленно дебатировавшійся за послѣдніе годы вопросъ о чудѣ нашель себѣ отзвукъ въ работѣ Манделя (Mandel) „Вѣра въ чудо“²⁾. Авторъ отличаетъ космологически-эмпирическое понятіе о чудѣ отъ религіозно-трансцендентальнаго. Въ основѣ такого различенія положено разграниченіе между міромъ и личностью. Взглядъ Манделя на сущность и необходимость чуда кратко можетъ быть формулированъ такимъ образомъ: чудо есть осуществленіе въ жизни личности трансцендентальнаго начала на естественной почвѣ космическаго.

Другая работа, посвященная тому же вопросу, принадле-

¹⁾ Стоитъ журналъ этого 3½ марки.

²⁾ Издана въ Лейпцигѣ Дейхертомъ. Имѣеть 44 стр., стоитъ 0, 90 мр.